

В Консерватории запахло джунглями

Их дыхание принесла с собой музыка Яниса Ксенакиса

Штокхаузен, Булез, Берио, Кейдж... В этом блистательном списке лидеров мирового музыкального авангарда, с которыми в последние годы смогла познакомиться отечественная публика, недоставало для полноты картины, пожалуй, лишь одного имени: Янис Ксенакис.

Теперь и этот пробел заполнен. Самый, возможно, загадочный, трудный для понимания современный композитор, человек, известный своей закрытостью, необщительностью, — этот музыкант не только растопил сердца москвичей, пришедших в Большой зал Консерватории, но и сам, говорят, «растаял» от оказанного ему приема.

Нет, консерваторский подъезд не охраняла в тот вечер конная милиция, как это было бы, наверное, со стоишь подобный концерт лет десять назад, в пору «дозированных» контактов с западным авангардным искусством. Но, может, оттого лишь выше ценность достигнутого успеха, в котором нет налета политической сенсационности?

Сенсационность в другом: какая же это оказалась живая музыка! Мы то в свое время наслушались от отечественных «музыковедов в штатском» диких сказок о композиторе, который-де сидит, окруженный математиками, и «расчисляет» по их сухим формулам свои «упаднические» партитуры...

Действительно — «расчисляет». Действительно — использует (не пугайтесь!) формулы теории вероятностей, уравнения радиопизики и многое другое. Потому что уверен: мир един, и направляется он едиными законами, идет ли речь о кос-

мосе или человеке, о живой или неживой материи, о рассудке ученого или об интуиции художника... И в принципе нет ничего утопичного в попытке композитора найти образный, музыкальный аналог самым, казалось бы, абстрактным понятиям науки — таким как, например, математическое множество или броуновское движение.

Вот уж чего нет в его музыке — так это статичности. В ней постоянно что-то движется, рождается и умирает, вызывая многозначные ассоциации: то с волнением неодушевленных стихий — звездной, допустим, плазмы или первобытного планетного океана, — то с непобедимым прорастанием вездесущей жизни...

Сочинения Ксенакиса, на первый взгляд, однотипны: в оркестре слышатся грубый звериный топот, визг, хохот, тяжкий ритм ритуальной пляски, резкие крики — животных? дикарей? — сливающиеся в одну неукротимую катящуюся звуковую массу. Во всяком случае, таковы исполненные в Москве композиции, представившие творчество Ксенакиса последних пяти лет: «Ata», «AIS», «Dox Orkh», «Jonchaies». Что означают эти странные названия? Композитор и сам не в состоянии однозначно объяснить: разве мы знаем, говорит он, почему даем нашим детям те или иные имена? Но вот что удивительно: это «однообразие» не тяготит (по крайней мере, автора сих строк), как не тяготит «однообразие» грохота водопада, бияния морского прибора, раскатов грозы, стука сердца...

Музыка, написанная этим греком по крови, родившимся в Румынии,

учившимся в Париже, воевавшим против нацистов на Балканах, натурализовавшимся, наконец, во Франции, где он проживает и по сию пору, — музыка Ксенакиса вполне космополитична. Ей трудно подыскать аналоги в мировом искусстве (разве что в русской музыке, где стихийные силы природы и человека получили мощное выражение — у Стравинского, Прокофьева, Скрябина). И оттого-то к ней так нелегко подобрать исполнительский ключ.

Однако русским исполнителям это удалось. Оркестр Государственной симфонической капеллы России (художественный руководитель — Валерий Полянский), дирижер концерта Илья Машкевич, солисты — певец Михаил Никифоров и скрипачка Татьяна Гринденко — блистательно справились с задачей, всего лишь за 6 репетиций подготовив программу головоломной трудности. А ведь это, заметим, их первое обращение к музыке Ксенакиса. Надеемся, что не последнее: композитор настолько доволен исполнением, что намерен осуществить с нашими музыкантами запись всей программы на компакт-диск.

Что ж, благодарим Союз композиторов Москвы за затеянное им предприятие — авторский концерт маэстро в рамках ежегодного фестиваля современной музыки «Московская осень»; Французский культурный центр — за организационную и материальную помощь российским энтузиастам. И, конечно, композитора — за то, что не побоялся приехать в бурлящую Россию, где вольному духу его музыки, мне кажется, — самое место.

Сергей БИРЮКОВ.

февр. 1994 - 14 рек -
- 07